

У каждого из нас есть, за что сражаться.

ВОЙНА, которая спасла мне жизнь

КИМБЕРЛИ
БРУБЭЙКЕР БРЭДЛИ

Издана в 13 странах • Более 9000 отзывов на [goodreads.com](https://www.goodreads.com)
Медаль Ньюбери • Бестселлер №1 New York Times

Кимберли Брубэйкер Брэдли
Война, которая
спасла мне жизнь
Серия «Война Ады. Книги,
покоряющие сердца», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66607914

Война, которая спасла мне жизнь / Кимберли Брубэйкер Брэдли: Эксмо;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-160152-2

Аннотация

Ада в жизни не видела травы и деревьев. Она ни разу не отмечала Рождество. Она никогда не выходила из дома – весь её мир состоял из маленькой комнаты, вида из окна на четвёртом этаже, брата Джейми и вечно недовольной мамы. Нельзя Аде из дома выходить, у неё ведь нога... Да и как выйти, если ходить она почти не может?

Но когда из-за войны Джейми с другими детьми эвакуируют, Аде ничего не остаётся, как встать на ноги и пойти – вслед за ним, чтобы не остаться одной и чтобы выжить. И только тогда она понимает, как велик этот мир и как много в нём всего

разного, сложного и... хорошего. И пусть война – это страшно, но, возможно, именно она подарит Аде шанс на жизнь.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	49
Глава 9	60
Глава 10	68
Глава 11	73
Глава 12	83
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Кимберли Брубэйкер Брэдли Война, которая спасла мне жизнь

Глава 1

– Ада! А ну прочь от окна! – вопит мама. На плече её рука, и – р-раз! – я лечу со стула вниз, прямо на пол.

– Да я только со Стивенем Уайтом поздороваться. – Эх, зря вырвалось, придержать бы мне лучше язык за зубами: сама ведь прекрасно знаю, что маме перечить не стоит. Но лето прошло недаром: я, что называется, стала на тропу войны.

Мама мне – оплеуху. Наотмашь. Больно: затылком о ножку стула. Из глаз искры пучком.

– Не смей с чужими разговаривать! – шипит. – Я ж единственно по доброте душевной тебе дала на улицу выглянуть. А будешь хвостом вертеть да с чужими языком чесать, я это окно заколочу к чертям!

– Джейми гуляет, и ничего, – мямлю в ответ.

– Конечно, гуляет, а чего б ему не гулять-то? Он же не калека. Не то что ты.

Тут лучше вообще язык прикусить, хотя ответ так на нём и вертится. Трясу головой, поскорее очухаться, глядь – на полу кровавое пятно. О нет. Видимо, днём не отмылось. Мама увидит – быстро смекнёт, что к чему. Тогда мне точно крышка. Ползком к пятну, сажусь на него. Калечную ногу тоже под себя, с глаз долой.

– Иди лучше чаю мне сделай, – говорит мама. Садится на край кровати, принимается стаскивать чулки. И давай покачивать у меня перед носом то одной своей ногой, то другой – обе преотличнейшие, конечно. – Мне скоро на работу пора.

– Иду, мам. – На место себя – стул, от окна вот так подвину, чтоб закрывал кровавое пятно, и ползком по комнате. Калечную ступню в струпьях стараюсь маме на глаза лишний раз не показывать. В кухне есть другой стул, у плиты, с него можно и конфорку газовую разжечь, и чайник поставить.

– Хлеба мне отрежь ещё. И смальцем намажь, – вдогонку орёт мама. – Брату тоже сделай. А если там чего останется, – гогочет, – так уж и быть, намажь ещё один и... кинь-ка в окошко! Посмотрим, что твой Стивен Уайт насчёт такого обеда скажет, ха-ха! Что, хорошо я придумала, а?

Ничего не отвечаю. Отрезаю два толстых ломтя, остальное быстро за раковину. Джейми всё равно до ухода мамы не вернётся, а едой он со мной всегда поделится.

Чай готов, подходит мама за кружкой.

– По глазам твоим бесстыжим, дочка, всё вижу. Ты не думай, будто можешь меня одурачить. И так Небеса благода-

ритель должна, что я тебя вот такую терплю. Ты ведь и слыхом не слыхивала, до чего в жизни худо бывает.

Отхлёбываю чай – себе я тоже налила кружку – и чувствую, как кипятки бежит вниз по горлу, прожигает след до самого желудка. Мама не шутит. Так ведь и я не шучу.

Войны бывают разные.

Всё, о чём тут рассказываю, началось четыре года назад, летом 1939-го. В те месяцы Англия ещё только готовилась вступить в новую Великую войну, ту самую, которая сейчас в разгаре. Многие жили в страхе. Мне было десять (хотя тогда своего возраста я не знала), и когда я впервые услышала про Гитлера, – ну как услышала: обрывки фраз, не больше, и в основном ругательных, что там заносило с улицы к нам в окно на четвёртый этаж, – меня несколько не заботил ни сам Гитлер, ни какая бы то ни было международная война. Должно быть, вы уже успели подумать, что я воевала со своей матерью, но моя первая война, которую я затеяла тем летом, была война с братом.

Джейми был юркий мальчишка с копной грязно-русых волос, глазами ангелочка и душой бесёнка. Мама говорила тогда, что ему шесть и что осенью он пойдёт в школу. В отличие от меня ноги у него были сильными и оканчивались двумя совершенно здоровыми ступнями. Ими Джейми прямо случая не упускал воспользоваться, чтобы убежать от меня

подальше.

А я ненавидела оставаться одна.

Квартира наша состояла из одной комнаты на четвёртом этаже, над пабом, в котором мама работала по ночам. Утром она спала допоздна, и моей задачей было накормить Джейми и заставить его сидеть тихо, пока она не встанет. Потом мама уходила – в магазин или поболтать с соседками; иногда она брала и Джейми с собой, но чаще он оставался дома. Вечером она шла на работу, а я поила Джейми чаем, пела ему и укладывала спать, и всё это я проделывала каждый день сколько себя помню, с тех пор как Джейми ещё ползал в подгузниках и не умел ходить на горшок.

С Джейми мы играли, пели песни и наблюдали в окошко, что делается в мире: то придёт мороженщик с тележкой, то старьёвщик притащится на своей дохлой кляче; вечером вернётся с доков сосед, а днём женщины будут развешивать бельё и переговариваться с крылечек. Соседские дети будут прыгать через верёвочку и играть в салки.

Даже тогда я могла бы спуститься вниз. Сползти, например, или съехать на заднице. Совсем уж беспомощной я не была. Но в тот единственный раз, когда я осмелилась высунуться из квартиры, мама узнала об этом и избила до того, что на плечах выступила кровь.

– Ты же позор на мою голову! – кричала она. – Чудовище, с этой безобразной ногой! Думаешь, мне приятно будет, если люди увидят такую стыдобу? – И она пригрозилась зако-

лотить окно, если я снова попытаюсь спуститься вниз. С тех пор она всё время мне этим угрожала.

Правая ступня у меня с детства была маленькой и кривой: подошва с пяткой повёрнута кверху, а тыльная сторона, наоборот, волочится по земле. Лодыжка, ясное дело, была нерабочая и болела, если на неё опираться, так что почти всю свою жизнь я обходилась без неё. Зато научилась хорошо ползать. Оставаться в одной и той же комнате долгое время мне было не так уж трудно до тех пор, пока в этой комнате со мной был Джейми. Но Джейми рос, и со временем ему всё больше хотелось поиграть с другими детьми и погулять на улице. «А чего б ему и не погулять? – говорила мама. – Он же у меня нормальный». Джейми она говорила: «Ты у нас, слава богу, не то что Ада. Можешь гулять, где хочется».

«Нет, не может! – протестовала я. – Я должна его видеть».

Поначалу он действительно дальше не убегал, но потом нашёл себе какую-то компанию, и они с мальчишками норовили исчезнуть из поля зрения на целый день. Потом он возвращался с рассказами про доки на реке Темзе, где большие корабли со всех концов света стоят, наполненные разными грузами. Он рассказывал мне о поездках; о складах, таких огромных, что весь наш дом меньше, чем один такой склад. Он видел церковь Святой Девы Марии – по её колоколам я отсчитывала время. Летние дни становились длиннее, Джейми исчезал на дольше, пока не стал возвращаться совсем поздно, спустя часы после маминого ухода. Он посто-

янно где-то пропал, а маме было всё равно.

Наша комната стала для меня тюрьмой. Я просто терпеть не могла, до чего в ней теперь тихо, душно, пусто.

Я пробовала всё, чтобы Джейми остался со мной. Заваливала дверь, чтобы не выбрался, но к тому времени он был уже сильнее. Умоляла маму вмешаться. Угрожала самому Джейми, а как-то раз в очередной жаркий день даже взяла и связала ему руки-ноги, пока спал. Я готова была силой вынудить его остаться.

Помню, когда Джейми проснулся, он не завопил, не закричал. Только дёрнулся разок и беспомощно застыл, глядя на меня.

И по щекам – слёзы.

Я тут же бросилась развязывать. В душе стыдно, гадко. Смотрю – на запястье у него красное пятно, там, где слишком туго затянула.

– Больше я никогда-никогда так не сделаю, – бормочу я. – Клянусь. Никогда.

А слёзы всё текут у него по щёчкам. И главное, сама понимаю почему. Я ведь за всю свою жизнь Джейми пальцем не тронула. Ни разу руку на него не подняла.

А теперь я как мама.

– Я дома останусь, – шепчет он.

– Нет-нет, – трясую головой. – Не надо. Ты совершенно не должен. Только чаю попей сначала, а потом беги. – И сую ему скорей кружку и бутерброд со смальцем.

Помню, мы в то утро были одни дома, мама ушла куда-то, не знаю куда. Я Джейми по голове погладила, в макушку поцеловала, песенку ему спела – всё сделала, что умела, лишь бы только улыбнулся.

– Ты всё равно скоро в школу пойдёшь, – приговариваю. Главное, сказала – и сама удивилась, как я раньше этого не сознавала. – Тебя по целым дням дома не будет, но это ничего. Я кое-что исправлю, и всё со мной будет хорошо.

И упростила его идти гулять на улицу, даже помахала на прощанье в окошко.

А потом взялась наконец за то, что давно пора было сделать. Научилась ходить.

Кто знает, умей я ходить, может, мама бы меня так не стыдилась? Кривую стопу прикрыли бы чем-нибудь. Я могла бы выходить на улицу, к Джейми, быть с ним рядом или по крайней мере настороже, чтобы помочь, если вдруг что.

Собственно, к этому и пришло, пусть не совсем так, как я себе представляла. Свободу мне принесли сразу две войны – та маленькая, которую я затеяла против Джейми и которая сошла в то лето на нет, и та великая, которую затеял Гитлер и которая в то лето только начиналась.

Глава 2

В тот самый день я и взялась за дело. Взобралась на стул, поставила обе ступни на пол. Нормальную левую поставила. И кривую правую поставила. Колени выпрямила – рукой держусь за спинку – и встала.

Чтоб было понятно, в чем сложность: стоять я, конечно, и до этого могла. Могла, например, прыгать на одной ноге. Но ползти на четвереньках – оно ж куда быстрее, да и в такой тесной квартирке как-то казалось, зачем в полный рост вставать – и так всё под рукой. В итоге мышцы на ногах, в особенности на правой, стоять не привыкли, в спине сразу слабость; но это даже не самое важное. Хватало бы просто стоять – оно бы ещё ничего.

Чтобы ходить, надо как-то поставить больную ступню на пол. Перенести на неё вес, опереться, оторвать от пола вторую ногу, да ещё умудриться не потерять равновесие и не свалиться от жгучей боли.

В тот первый день я встала. Ноги затряслись, рукой ухватилась за стул, медленно перенесла вес с левой ноги на правую. И ахнула.

Учись я с детства, может, было бы не так плохо. Может, и косточки мои перекрученные приучились бы выдерживать вес. Может, и кожа на щиколотке огрубела бы, не сдиралась. Всё может быть – этого я никогда не узнаю. В любом слу-

чае стоять мало, одним стоянием до Джейми не добраться, и я отпустила спинку стула. Кривую ногу вперёд, толчок... Боль клинком пронзила лодыжку. Я рухнула на пол.

Ещё раз. Рука на стуле. Выпрямляемся. Шаг вперёд... Упали. Ещё раз. Попробуем снова. На этот раз пусть сначала нормальная нога. Короткое ах, кривую ногу переносим, и – бам! Я опять на полу.

Кожа на калечной ноге, на тыльной стороне стопы, быстро стёрлась. Вокруг по полу кровь; я быстро устала, больше не могу. Во всём теле дрожь, ноги не держат, упала на колени. Потом достала тряпку и принялась вытирать пол.

Так прошёл первый день. На второй оказалось ещё хуже. Потому что теперь болела и нормальная нога тоже. Выпрямить их обе не было никаких сил. На коленях темнели синяки от падений, а на больной стопе ныли вчерашние ссадины. Единственное, что у меня вышло на второй день, это постоять, держась за спинку стула. Пока стояла, смотрела в окно. Упражнялась переносить вес с одной ноги на другую. А потом легла на кровать и рыдала от боли и изнеможения.

Всё это оставалось, конечно, в тайне. Маме я не собиралась рассказывать, пока не научусь как следует, а Джейми не могла довериться, вдруг выдаст. Пожалуй, могла бы в окно выкрикнуть, но что бы поменялось? Каждый день я видела внизу людей, иногда даже с ними заговаривала, и они даже махали мне изредка рукой, здоровались по имени. Но никто толком не пытался завести со мной беседу.

Может, мама хоть улыбнулась бы. Сказала бы, например: «А ты у меня всё-таки смышлёная, а?»

В своих фантазиях я шла ещё дальше. Бывало, сижу после тяжёлого дня с ногой на кровати, наружу пробиваются рыдания, аж всю трясёт, а я давлю их в горле и представляю, как мама берёт меня за руку и помогает спуститься по ступенькам. Потом выводит меня на улицу и говорит всем: «Это Ада, моя дочка. Видите, не так уж всё запущено оказалось!» Всё-таки мама же.

Я представляла, как хожу с ней за продуктами. Как иду в школу.

– Рассказывай всё, – просила я Джейми поздно вечером. Садил его к себе на колени у окна и спрашивала: – Что ты сегодня видел? Что нового узнал?

– В магазин заходил, как ты просила, – говорит, например, Джейми. – Во фруктовый. Везде фрукты лежат. Прямо кучами на столах, представляешь?

– А какие фрукты?

– Ну там, яблоки. А ещё какие-то как бы вроде яблок, только не совсем. Ещё такие круглые, оранжевые, яркие такие, а ещё другие, зелёные...

– Тебе надо по названиям их узнать, – говорю ему.

– Не, не могу. Продавец как увидел, что я пялюсь, так меня сразу и вытурил. Сказал, не хватало ещё, чтобы всякие

грязные попрошайки у него товар тибрили, и метлой меня шуганул.

– Дже-ейми, какой же ты грязный попрошайка? – Иногда, когда маме претило, как от нас пахнет, мы мылись. – И потом, ты бы не стал воровать.

– Что значит «не стал»? – говорит Джейми, засовывает руку за пазуху и достаёт такое вот как бы яблоко – жёлтое, мягкое, неровное. Грушу на самом деле, только тогда мы этого не знали. Кусаем, сок течёт по подбородкам.

Никогда не ела ничего вкуснее.

На следующий день Джейми стянул помидор, а на следующий день попался, когда хотел стащить у мясника отбивную. Мясник отлупил его прямо на улице, а потом привёл за руку домой и сдал маме с потрохами. Мама схватила Джейми за шкурку и отлупила сама.

– Дуралей! Конфеты тырить – я понимаю! А с отбивной-то ты что собрался делать?

– Ада есть хочет, – хнычет Джейми.

И я хотела. Ходить отнимало до жути много сил, я постоянно хотела есть. Но говорить об этом не стоило, и Джейми сразу это понял. Я видела, как расширились у него в тот момент глаза от ужаса.

– Ада! Так я и знала! – Мама рывком обернулась ко мне. – Науськала братика красть! Ах ты паразитина ничтожная! – И как замахнётся. Я сидела на своём стуле у окна; совершенно машинально вскочила на ноги, хотела увернуться.

Тут-то меня, конечно, и поймали. Ступи я хоть шаг – и нет никакой тайны. Я застыла на месте как вкопанная. Однако глаза у мамы блеснули, она пристально на меня посмотрела и говорит:

– Да мы вон как выкаблучиваемся, а? На колени и марш в шкафчик.

– Мам, не надо, – скулю я. Сразу на пол осела... – Пожалуйста, не надо.

Шкапчиком называлась крохотная каморка под раковиной. Водопровод иногда протекал, так что в шкафчике было вечно сыро и стоял прелый запах. Но что ещё хуже, там жили тараканы. Просто в квартире они меня не напрягали. Бумажкой какой-нибудь придавишь и за окошко. Но в шкафчике, в темноте, придавить их уже не выйдет. Там они ползали прямо по мне. Как-то раз один залез в ухо.

– Сейчас же, – цедит мама. И улыбочка такая лёгкая на губах.

– Я полезу, – говорит Джейми. – Я же отбивную стырил.

– Полезет Ада, – жмёт своё мама. Улыбается ровно-ровно, и лицо медленно к Джейми поворачивает. – Всякий раз, как поймаю тебя на воровстве, Ада будет сидеть в шкафчике ночь.

– Но-о-очь? Всю, целиком? Ни за что... – хриплю. Хотя знаю прекрасно: так оно и будет.

Когда становилось совсем худо, можно было уйти в себя, затеряться в собственных мыслях. Это я всегда умела. Где

бы ни была – на своём стуле у окна или в шкафчике, – отключаюсь и больше ничего не вижу, не слышу, даже не чувствую. Меня просто нет.

Это помогало, но происходило не сразу. Первые несколько минут в шкафчике были просто ужасны. А в тот раз ещё тело стало ломить под конец, оттого что сидишь долго скрюченный. Всё-таки я уже не маленькая была.

Когда утром мама выпустила меня наружу, кружилась голова и тошнило. Я выпрямилась, а всё тело как занует, и точно иголки повсюду – в ногах, в руках. Я легла на пол, а мама смотрит на меня сверху вниз и говорит:

– Будет тебе урок на будущее. Неча, дочка, хвост распускать.

Кое в чём мама меня, конечно, раскусила. Она поняла, что я крепчаю. И ей это не понравилось. Как только она ушла, я вскочила на ноги и не успокоилась, пока не одолела всю комнату от стены до стены.

Август подходил к концу, скоро Джейми собирался пойти в школу. Мне уже было не так страшно, что он будет от меня уходить, но оставаться наедине с мамой надолго – вот этого я боялась. А в тот день Джейми прибегает домой раньше обычного, и лицо такое грустное.

– Билли Уайт говорит, все дети уезжают, – докладывает.

Билли Уайт – это Стивена Уайта младший брат, и с Джейми они лучшие друзья были.

Мама как раз собирается на работу. Наклонилась шнурки

завязать, выпрямляется и кричит:

– Ну да, все так говорят.

– Что значит «уезжают»? – спрашиваю.

– Из Лондона, значит, уезжают, – говорит мама. – Из-за Гитлера, из-за бомбёжек. – Поднимает глаза и смотрит на Джейми, не на меня. – Слухи такие, что Лондон будут бомбить, так что всех детей высылают за город, в безопасное место. Я пока не решила, отправлять тебя тоже или нет. Думаю, стоит. Всё ж экономия, лишний рот долуй.

– Зачем бомбить? Куда за город? – спрашиваю.

Она мне – ни слова. Джейми плюхается на стул и давай ногами в воздухе болтать. Такой маленький на этом стуле.

– Билли говорит, они в субботу уезжают. – Это через два дня. – Ему мама одежду покупает, всю новую.

Мама говорит:

– Нету у меня денег тебе одежду новую покупать.

– А я? – спрашиваю. У самой голос дрожит, и куда слабей, чем хотелось, выходит. – Я разве не еду? Со мной-то что?

Мама не хочет на меня даже взглянуть.

– Конечно, нет, – говорит. – Они же к хорошим людям детей рассылают. Тебя-то кто возьмёт? Никто тебя не возьмёт. Нормальным людям на такую ногу и смотреть противно.

– К хорошим нельзя – можно к плохим поселить, – говорю. – Собственно, мне и привыкать не придётся.

Как она замахивается, успела заметить, а вот увернуться – нет.

– Чтоб я больше не слышала твоих дерзостей! – визжит. Потом скривилась в такой улыбочке, что у меня внутри аж похолодело, и выдаёт: – Тебе всё равно не уйти никуда. Будешь сидеть здесь всю жизнь. Вот в этой самой комнате, бомбы там не бомбы – хоть что.

У Джейми прямо лицо побледнело. Открыл рот что-то сказать, но я ему головой покачала, выразительно так, он закрыл. Как только мама вышла, он тут же бросился ко мне, обнимает.

– Ты не волнуйся, – говорю. Качаю его в руках, а самой совсем не страшно. Наоборот, внутри радуюсь: всё-таки не зря потратила лето. – Узнай, где нам надо быть и во сколько, – говорю Джейми. – Мы с тобой вместе едем, слышишь? Вместе.

Глава 3

Рано утром в субботу я украла мамины туфли.

Пришлось украсть. Других у нас в доме не было, не считая братовых тряпичных тапочек, которые были малы даже на мою калечную ногу. Туфли мне оказались великоваты, но я напихала в носки бумаги. Кривую ступню обернула тряпкой, шнурки потуже завязала. Чувствовать на себе обувь было так странно. Но я подумала, главное, чтоб не свалились.

Джейми стоит, смотрит на меня во все глаза.

– Нету у меня другого выбора, придётся, – говорю ему шёпотом. – Иначе люди мою ногу увидят.

А он шепчет:

– Ты стоишь. Ты ходишь!

Вот он, момент триумфа, а мне вообще не до этого. Впереди столько всего.

– Ага, – говорю, – хожу.

Взглянула на маму – та лежит себе на кровати к нам спиной, похрапывает. Что, гордится дочерью? Чёрта с два.

Вниз по ступенькам я сползла на заднице. Внизу Джейми помог подняться, и мы отправились в путь по пустым утренним улицам. Иду и думаю себе: потихоньку, полегоньку. Шажок за шажком.

Ходить там внизу, на уровне земли, было в новинку. Свет

необычный, с розовым оттенком, от зданий точно голубоватая дымка... Всё в этом утреннем сиянии казалось мне тогда красивее, чем потом стало днём. Впереди лежала совсем пустая улица. Только раз за угол шмыгнула кошка – наверно, в погоне за крысой.

Правой рукой я опиралась на Джейми. В левой держала бумажный пакет с едой, наш завтрак. Джейми сказал, нам надо быть в его школе в девять. До девяти оставалось ещё много часов, но я решила, чем раньше отправимся, тем лучше. Я же не знала, сколько мне потребуется времени, чтобы добраться до школы. Да и чтобы на меня пялились, тоже не хотелось.

Улица у нас оказалась ухабистой, чего я, глядя на неё до этого исключительно с высоты своего окна, в соображение не приняла. Идти по ней было куда труднее, чем по полу в квартире. В обуви, конечно, проще, но пока я дошлёпала до конца нашего проулка, нога до того разболелась, что мне казалось, всё, шагу дальше не ступлю. Однако же ступала.

– Поворачиваем, – пыхтит Джейми. – Уже немного осталось.

Ещё шаг, и калечная нога вдруг как подвернётся! Я рухнула наземь. Джейми припал рядом на колени.

– Ты, может, ползком, а? – говорит. – Тут никто не смотрит.

– А далеко ещё? – спрашиваю.

– Три квартала, – говорит. И потом добавляет: – Кварта-

лы – это вот дома между улицами. Надо пересечь ещё три улицы.

Я на глаз попробовала прикинуть расстояние. Три улицы. А могло быть три километра. Триста километров.

– Наверно, проползу немного, – говорю.

Только ползти по улице оказалось куда труднее, чем по квартире. На коленках у меня, конечно, давно были костные мозоли, но камешки всё равно больно впивались, а грязь и мусор радости не прибавляли. Через квартал я взялась за Джейми и кое-как поднялась на ноги.

– А почему ты всё время не ходишь, раз умеешь? – спросил меня Джейми.

– Недавно умею, – говорю. – За лето научилась, пока ты гулял.

Он кивнул.

– Я никому не скажу, – говорит.

– Да теперь не важно, – говорю. Мир уже тогда стал казаться мне огромным. Смотришь вверх на крыши домов – и голова кружится. – Мы же за город едем. А там мне никто не будет запрещать ходить. – Тут я врала. Потому что знать ничего не знала о том месте, куда мы едем. Я тогда даже представить не могла, где это – «за городом». Но Джейми – он только сильнее сжал мою руку и улыбнулся.

Школа была кирпичное здание с пустым двором за металлической решёткой. Мы прошли за решётку, и я рухнула на-

земь. Потом мы поели хлеба, макая его в сахар. Было вкусно.

– Это ты у мамы сахар стянула? – спросил Джейми, глядя на меня во все глаза.

Я кивнула.

– Причём весь, – говорю. Мы как засмеёмся!

Мы больше не двигались, и стало чувствоваться, какой воздух холодный и как сыро сидеть на земле. Жгучая резь в лодыжке поутихла, теперь нога только ныла не переставая. Я подняла глаза и стала смотреть на все эти незнакомые здания вокруг, на завитки под карнизами и красивую кирпичную кладку, на вывески, оконные рамы, на птиц. Я бы даже не заметила, что к нам через весь двор подошла какая-то незнакомая женщина, если бы меня Джейми в бок не ткнул.

А она улыбается нам и говорит:

– Что-то вы рано.

Учительница, думаю. Кивнула ей и тоже улыбаюсь, широко так.

– Папа нас подбросил по пути на работу, – говорю. – Он сказал, вы о нас позаботитесь.

Женщина кивнула.

– Конечно-конечно, – говорит. – Хотите чаю?

Мы поднялись с земли, и она, конечно, тут же заметила, что я хромаю. Да что там, хромаю, что я еле на ногах держусь – хорошо ещё, Джейми рядом был, подхватил меня.

– Ах ты, бедняжка, – говорит она мне. – Что это у тебя с ногой?

– Да так, – говорю, – ударилась. С утра сегодня болит. – Тут я не соврала.

– Можно, я взгляну? – спрашивает женщина.

– Ой, нет-нет, – говорю и стараюсь что есть сил двигаться дальше. – Она уже заживает.

Дальше было просто. То, что я тогда сделала, я считаю своим самым невероятным поступком за всю мою жизнь, но тем не менее прошло оно довольно легко. Я держалась за Джейми и так продвигалась. Постепенно двор наполнился детьми и учителями, учителя выстроили нас в шеренги. Пройти до железнодорожной станции полкилометра я бы точно была не в силах, однако передо мной внезапно возникло знакомое лицо.

– Ада, ты, что ли? – Это Стивен Уайт был.

Из детей Уайтов он был старший, между ним и Билли – ещё три сестры. И сейчас они стояли передо мной всей гурьбой и пялились прямо на меня. Кроме как из окна, они же меня никогда не видели.

– Ну я, – говорю.

Стивен удивился.

– А я и не думал, что ты тоже придёшь, – говорит. – То есть, конечно, тебе тоже надо уехать из Лондона, но наша мама сказала, что для таких, как ты, какие-то специальные места есть.

Нам мама ни про какие специальные места не говорила.

– В смысле, – говорю, – для таких, как я?

Стивен глаза потупил. Стоит такой, сам выше меня, старше, как мне показалось, но, видимо, ненамного.

– Ну это... Ты поняла, – говорит.

Я поняла.

– Для калек, – говорю.

От неожиданности он глаза на меня поднял, смотрит удивлённый.

– Да нет же, – говорит, – для отсталых. Умственно. Так все про тебя говорят. – И добавил: – Я даже не знал, что ты разговаривать умеешь.

Столько лет у окна просидела, и на тебе!

– Но я же каждый раз с тобой заговариваю.

– Ну да, ты машешь ручкой и можешь немного поболтать о том о сём, но... – Ему явно стало неловко. – Тебя внизу, по правде-то сказать, почти и не слышно. Что ты там говоришь, нам еле разобрать. Я и не знал, что ты можешь нормально разговаривать. А мама твоя всё время твердит, мол, тебя взаперти надо держать для твоего же блага. – Тут Стивен впервые посмотрел на мою ногу. – Так ты калека?

Я кивнула.

– А как сюда добралась?

– Пришла, – говорю. – Не могу же Джейми одного отпустить.

– Тяжело было? – спрашивает.

Я говорю:

– Да.

У него на лице промелькнуло такое странное выражение, совсем какое-то непонятное.

– Нам всем очень жалко, что у тебя такая мама, – говорит наконец.

Я даже не нашлась, что ответить.

Стивен спрашивает:

– А она знает, что ты сбежала?

Я уже было готовилась соврать, но тут встрял Джейми и говорит:

– Не-а. Она сказала, пусть Аду забомбят.

Стивен кивнул.

– Насчёт того, чтоб добраться до станции, ты не волнуйся, – говорит. – Я тебя подвезу.

Я не сразу поняла, что он имеет в виду, но тут одна из его младших сестёр улыбнулась мне и говорит:

– Он и меня иногда на себе возит.

Я ей тоже улыбнулась. Она мне показалась на Джейми похожа.

– Ну ладно, раз так, – говорю.

В общем, до станции меня Стивен Уайт на спине нёс. Учительница, которая нас чаем угощала, потом ему спасибо сказала за помощь. Мы двигались широкой колонной, а учителя велели нам петь «Англия будет всегда». Потом мы пришли на станцию, где уже толпилось больше детей, чем, по моим меркам, существует на свете.

– Ты на поезд как, сама сможешь забраться? – спросил

Стивен, ставя меня на землю.

Я схватила Джейми за плечо и говорю:

– Конечно, смогу.

Стивен кивнул. Пошёл было за Билли и сестрёнками, чтоб собрать их в кучку, потом оборачивается ко мне и говорит:

– А зачем она тебя заперла, если ты не отсталая?

– У меня же нога, – говорю.

Он головой потряс, говорит:

– Бред какой-то.

– Ну потому что, – говорю, – это же не случайно мне наказание, такая нога...

Он опять головой потряс:

– Бред.

Я так и уставилась на него. Бред?

Послышались учительские крики, мы все забрались в поезд. Не успели колокола на церкви отзвонить полдень, как поезд тронулся.

Нам удалось сбежать. Сбежать от мамы, от гитлеровских бомбёжек, от сидения в однокомнатной тюрьме. От всего. Бред или не бред, а только я была на свободе.

Глава 4

В поезде было, конечно, убого. В отличие от меня большинство детей совсем не радовались отъезду. Кто плакал, кого рвало в углу. Учительница, приставленная к нашему вагону, металась от ребёнка к ребёнку – то убрать за кем, то разнять кого, то в третий, десятый, сотый раз объяснить, что нет, в этом вагоне нет туалетов, надо потерпеть, и нет, она не знает, сколько ещё ехать, и никто не знает не то что сколько ехать, но и куда вообще этот поезд едет.

Туалетов нет, пить нечего, а весь свой хлеб мы уже съели. Я высыпала Джейми на ладошку остатки сахара, и он слизал их, как котик. Мир же тем временем мелькал за окнами всё быстрее и быстрее. Когда я не старалась всматриваться, картинка расплывалась и просто летела мимо сплошным целым. А когда я сосредотачивалась на чём-то конкретном, то, наоборот, оно стояло на месте, а я поворачивала вслед за ним голову. Мне стало понятно, что движется поезд, а не мир за окном.

Дома кончились, и внезапно пошла зелень. Прямо сплошная. Такая яркая, бойкая, резкая зелень, а на неё опиралось синее-синее небо. Я прямо глаз оторвать не могла.

– Что это? – спрашиваю.

– Трава, – говорит Джейми.

– Трава? – Откуда только он мог узнать про траву? На на-

шей улице её не было, даже подобного ничего у нас в округе я не видала. Зелёной могла быть одежда или, скажем, капуста, но чтобы целые зелёные поля...

Джейми кивнул.

– Она из земли торчит. Сверху колкая, но внутри не колючая, мягкая. У нас возле церкви на погосте есть она. Вокруг плит. И деревья ещё есть, это как вон то. – Он указал пальцем в окно.

Деревья оказались высокими и тонкими, как стебли сельдерея, только огромные. Наверху у каждого – опять большая зелёная клякса.

– Когда это ты побывал на погосте? – спросила я. А могла бы заодно спросить: «Что такое погост?» Столько всего я ещё не знала.

Джейми пожал плечами:

– Да возле нашей церкви по плитам в чехарду гоняли. Пастор нас вышвырнул.

Я уставилась на зелень и смотрела на неё, пока она не стала сливаться в одно большое пятно. За ночь я так толком и не легла, чтобы утром не проспать, и теперь веки у меня отяжелели и опускались всё ниже, пока я не услышала шёпот Джейми:

– Ада! Ада, смотри!

Рядом с поездом неслась девушка на лошади. Она и вправду была *на* лошади, прямо сверху, на спине, а ноги свисали по бокам. В руках она сжимала какие-то верёвочки или

что-то вроде того, которые тянулись к голове лошади. Девушка смеялась, и лицо её прямо сияло от радости, так что даже мне стало совершенно ясно, что на лошади девушка оказалась по доброй воле. Она не иначе как управляла лошадыю, указывала ей, что делать. Это она гнала лошадь, и та неслась во весь опор.

Лошадей я видела у нас на улице, но там они разве только тянули повозки. Что на них можно ездить верхом, такого я раньше не знала. И что они могут так быстро мчаться, тоже не знала.

Девушка пригнулась к бьющейся на ветру лошадиной гриве. По движению губ стало понятно, что она что-то кричит. Ткнула ногами лошадь в бока, и та ринулась вперёд быстрее – глаза горят, копыта так и мелькают. Пока поезд огибал поле, лошадь и девушка мчались с ним рядом, бок о бок.

Тут впереди показалась каменная стена. Я прямо ахнула. Они же сейчас врежутся. Разобьются обе. Почему девушка не остановит лошадь?

Оп! – и они перемахнули поверху. Перепрыгнули через каменную стену и поскакали дальше, а наши железные рельсы свернули в сторону от их поля.

Внезапно я сама ощутила всё это – бешеную скачку, прыжок, плавность полёта. Моё тело откликнулось на это ощущение, точно уже проделывало такой трюк тысячу раз. Точно это моё любимое. Я постучала пальцем в стекло.

– Я тоже вот так буду, – сказала я.

Джейми рассмеялся.

– А что? – спросила я.

– Ты же нормально ходишь, зачем тебе, – сказал он.

Я не стала ему говорить, что нога болит так сильно, что, может, я вообще ходить больше не буду.

– Ну да, – сказала я, – хожу.

Глава 5

Днём дела пошли хуже. Иначе и быть не могло. Поезд то останавливался, то снова ехал. В окна лился горячий свет, и вскоре воздух точно загустел. Мелкие плакали. Большие дрались.

Наконец мы остановились у какого-то полустанка, но дежурившая там суровая тётя не позволила нам выйти наружу. Она поспорила с нашим директором, потом со всеми остальными учителями, потом даже с машинистом. Учителя сказали, что нас надо выпустить ради всего святого, но тётя, не меняя выражения на каменном лице и поблескивая пуговицами формы – точь-в-точь как у военных, только с юбкой, – щёлкнула зажимом планшета и отказала.

– Здесь ожидается семьдесят женщин с грудными младенцами, – заявила она. – А не две сотни школьников. Вот, у меня в документе указано.

– Да плевать я хотел на ваш документ, – огрызнулся директор.

Учительница, приставленная к нашему вагону, покачала головой и открыла двери.

– Все выходим, – крикнула она нам. – Туалеты на станции. Поесть-попить сейчас что-нибудь вам найдём. Ну-ка наружу, быстренько.

И мы затопали наружу всей гурьбой. Прочие учителя по-

следовали примеру и тоже стали открывать двери своих вагонов. Суровая мадам хмурила своё каменное лицо и гаркала, выдавая какие-то приказания, но её никто не слушал.

Такого шума и суматохи я ещё не видала. Круче, чем сают.

Джейми помог мне сойти с поезда. Тело у меня совсем затекло, и мне во что бы то ни стало надо было размяться.

– Покажешь, как там надо в туалете? – спросила я Джейми. Смех смехом, а ведь до этого в нормальном туалете я никогда не бывала. Дома мама с Джейми пользовались общим в конце коридора, а я ходила в ведро, которое они потом выносили.

– Но мне, наверно, надо в мальчиковый, – сказал Джейми.

– В смысле в мальчиковый? – спрашиваю.

– Вон, видишь? – Он указал на две двери. В самом деле мальчишки исчезали за одной дверью, а девочки – за другой. Правда, на наших глазах они перестали исчезать и выстроились в две очереди перед дверями.

– Ладно, тогда на словах расскажи, что там как, – говорю.

– Писаешь туда, потом смываешь, – сказал Джейми.

– То есть «смываешь»? Это как?

– Там такая вроде как ручка, на неё нажимаешь, и всё.

Я дождалась своей очереди и зашла внутрь. И внутри со всем разобралась – даже со смывом. Ещё там были раковины, и я плеснула воды в разгорячённое лицо. Прямо напротив меня в такой же раковине плескалась другая девчонка

– до того обтрёпанная паскуда, других таких я и не видала. Взглянув на неё, я нахмурилась, и она ответила тем же.

И тут я поняла, что передо мной зеркало.

У мамы было зеркало. Оно висело высоко на стене, и мне как-то не было до него дела. Но тут я уставилась на него в полном смятении. Мне-то думалось, я выгляжу, как все девочки. А у меня оказались колтуны в волосах, белёсая кожа – почти бумажно-белая, только с сероватым налётом, особенно на шее. Из-под выцветшей юбки торчали грязные костные мозоли на коленках, да и сама юбка внезапно тоже оказалась мне вся измазанная и к тому же не по росту короткая.

Что тут сделаешь? Я глубоко вздохнула и проковыляла наружу. Под дверью меня дожидался Джейми. Я окинула его новым, критическим взглядом. Он тоже был грязней остальных мальчишек. Рубашка выгорела до неопределённого цвета, под ногтями сверкали чёрные полосы.

– Надо было нам чаще мыться, – говорю ему.

Джейми только плечами пожал.

– Да какая разница! – говорит.

Но разница была большая.

Дома, если выглянуть из окна на улицу и посмотреть напротив, а там отсчитать три дома налево, то на углу видна рыбная лавка. Каждое утро туда доставляют свежую рыбу и выкладывают её для продажи на толстую холодную глыбину. Летом на жаре рыба быстро портится, так что хозяйки всегда

старательно копаются на прилавке и отбирают что посвежее и получше.

Вот таким же рыбным уловом были и мы, дети. Учителя сгрудили нас в кучу и провели по улице в большое здание, где выстроили в шеренгу напротив стены. Мимо стали прохаживаться местные жители и выглядывать среди нас хорошеньких и здоровеньких, чтобы забрать к себе домой.

Однако по выражениям их лиц и досадливому ворчанию было понятно, что большинство из нас ценности для них не представляет никакой.

– Господи боже, – вырвалось у одной женщины. Стоило ей потянуть носом воздух над волосами одной девочки, как она тут же отпрянула. – До чего грязнющие!

– Ничего, отмоются, – заметила каменная командирша. Стоя посреди залы со своим планшетом, она руководила процессом. – Следует проявить милосердие. Никто не ждал, что будет так много. Каждый должен внести свою лепту.

– Ютить городских крыс – нет уж, увольте, – пробасил пожилой мужчина. – Как бы эта свора нас ночью в постели не придушила.

– Да они дети малые, – заспорила командирша. – Не их вина, что они так выглядят.

Я посмотрела по сторонам. Местные девчурки, разносившие нам кружки с горячим чаем, прямо-таки светились благополучием – ленточки в волосах, всё такое. Казалось, от них не запах – аромат.

– Может, и не их вина, – встряла другая женщина, – но до наших детей им далековато.

Командирша открыла было рот возразить, но передумала и закрыла. Что там ни говори, а до сельских деток нам действительно было далеко – тут не поспоришь.

– Ада, – шепнул мне Джейми. – Нас с тобой точно никто не захочет.

Это было верно. Толпа местных редела. Детей постепенно разбирали. Оставшихся учителя то и дело сбивали поближе в кучку и всячески расхваливали перед пришедшими. Суровая командирша умащивала выбравших.

Джейми на плечо положила руку какая-то старушка с фиолетовыми волосами.

– Девчонку не возьму, – сказала она, – а с парнишкой уж как-нибудь справлюсь.

– Пожалее, – говорю я ей. – Он ворует. И кусается. Потом, кто без меня его сдерживать будет – у него же опять припадки могут начаться.

Бабуля беззвучно разинула рот и поспешно отчалила. Домой она уводила уже чужого братика.

А потом зал опустел, остались только учителя, суровая командирша, Джейми да я. Мама была права. Никому мы не нужны. Мы были единственные, кого никто не хотел.

Глава 6

– Вам не о чем беспокоиться, – сказала нам суровая командирша, и более смехотворной лжи я в жизни своей не слышала. Но она уверенно хлопнула по планшету. – Есть у меня для вас местечко.

– А они хорошие? – спросил Джейми.

– Не они, а она, – ответила командирша. – И она очень хорошая.

Джейми покачал головой:

– Мама говорит, что хорошие люди нас не возьмут.

Уголок рта на каменном лице дёрнулся.

– Ну, она не то чтобы прямо идеальная, – сказала командирша. – И потом, я тут квартирьер или кто? Не ей решать, а мне.

То есть, если она не захочет, её заставят. Отлично. Я перевалилась с кривой ноги на нормальную и охнула. Если стоять смиренно, к боли ещё можно было привыкнуть, но малейшее движение портило всё до жути.

– Ты ходить-то можешь? – спросила командирша. – Что у тебя с ногой?

– Пивной тележкой переехало, – сказала я. – Но сейчас уже ничего.

– А чего ты на костылях не ходишь? – спросила она.

Поскольку, что такое «костыли», я понятия не имела,

оставалось только пожать плечами. Я потащила к выходу, но тут, к моему ужасу, калечная нога подвернулась, и я грохнулась на деревянный пол. Пришлось губу закусить, а то бы закричала.

– Ох ты ж, господи! – пробормотала командирша. Она присела рядом. Я думала, она будет орать на меня, тянуть вверх, ставить на ноги, но вместо этого – и тут мне стало ещё больше стыдно, чем когда я упала, – она взяла меня на руки и подняла с пола. И понесла меня на руках. – Догоняй, – бросила она Джейми.

Выйдя на улицу, она посадила меня на заднее сиденье автомобиля. Настоящего автомобиля. Джейми, таращась на это диво во все глаза, забрался следом. Командирша захлопнула за нами дверцу, села на сиденье водителя и завела мотор.

– В минуту долетим, – сказала она, обернувшись на нас. – Тут совсем недалеко.

Джейми провёл пальцем по блестящей деревянной панели под окном со своей стороны.

– Ничего-ничего, – говорит, и улыбка на пол-лица. – Вы не торопитесь. Мы не спешим.

Дом стоял точно погружённый в сон.

Располагался он в самом конце тихой немощёной улочки, обросшей по обеим сторонам густыми деревьями. Деревья сходились наверху кронами, из-за чего улица среди бела дня

утопала в зелёной тени. Дом же угнездился несколько в стороне от деревьев, в маленьком окошке света, однако по трубе из красного кирпича тоже вились мощные стебли, а кругом дома, под окнами, выстроилось плотное ограждение из сплошного кустарника. Под небольшим козырьком ютилась дверка, выкрашенная в красный, под стать кирпичной трубе, но в остальном это был просто серый дом, смотревшийся тускло за стеной кустарника. Занавески на окнах опущены, дверь заперта.

Суровая командирша цокнула языком, точно что-то её раздражает; остановила машину и выключила мотор.

– Сидите пока тут, – приказала она и вышла.

В красную дверь командирша как следует постучала кулаком, но в ответ не раздалось ни звука; она гаркнула: «Мисс Смит!» – и, постояв в тишине ещё какое-то время, взялась за ручку и вошла внутрь.

Я ткнула Джейми и велела ему подслушать.

Он постоял у открытой двери пару минут, потом вернулся.

– Бранятся, – сказал он. – Тётя нас не хочет. Говорит, не знала, что война.

Тому, что тётя нас не хочет, я нисколько не удивилась, но вот что кто-то мог не знать про войну, поверить было трудно. Либо эта мисс Смит кривила душой, либо была отменной тупицей.

– Ладно, – пожала я плечами. – Пойдём к кому-нибудь

другому.

И ровно в тот момент, как я произнесла эти слова, всё изменилось. Справа от спящего дома из кустов показалась лошадиная голова ярко-жёлтого цвета. Голова уставилась на меня.

Со своего места я разглядела, что лошадка – светло-рыжий пони – стоит за низкой каменной оградой. На морде белая полоса, глаза тёмно-коричневые, следят за мной. Лошадка наострила уши и глухо фыркнула.

Я ткнула Джейми в бок и указала пальцем. Точно начинали сбываться мои мечты. Внутри снова возникло то же чувство, что в поезде, когда я увидела, как девушка гонит коня вскачь.

– Он что, здесь живёт? – спросил шёпотом Джейми.

А я уже вылезала из машины. Если лошадка и не жила у мисс Смит, то по крайней мере она жила по соседству, и если так, то моё место здесь. Я попыталась ступить на ногу, но у меня не вышло. Я потянула к себе Джейми.

– Помоги, – говорю.

– Хочешь к лошадке?

– Нет. К дому.

Мы кое-как взобрались на каменную ступеньку и протиснулись через красную дверь. Внутри было темно и душно. В воздухе витал едковатый запах пыли. Комната, в которой мы оказались, была завалена старой массивной мебелью, сплошь покрытой тёмно-лиловой тканью. Стены тоже были

тёмные, с рисунком, как и пол. В одном таком тёмно-лиловом кресле восседала бледная худая дама в чёрном платье, прямая и строгая, а наша командирша, ничуть не менее строгая, сидела напротив неё. На щеках у бледной дамы, мисс Смит, горели ярко-красные пятна, а худое лицо утопало в мягком облаке пушистых жёлтых кудряшек.

– ...И не знаю о них буквально ничего, – говорила она.

– А вот и они! – сказала командирша. – Девочка повредила ногу. Дети, это мисс Сюзан Смит. Мисс Смит, это... – Она помедлила и озадаченно взглянула на нас сверху вниз. У остальных детей с поезда были значки с именами, а у нас не было. – Как вас зовут?

Я тоже помедлила. Здесь можно было бы взять себе новое имя. Назваться Елизаветой, к примеру, как принцесса. Чёрт, да хоть Гитлером – они-то не узнают.

– Ада и Джейми, – выпалил Джейми.

– А фамилия-то ваша как? – спросила командирша.

– Гитлер, – сказала я.

Джейми быстро взглянул на меня, но ничего не сказал.

– Ну-ну, не дерзи, – отрезала командирша.

– Не дерзю! – говорю. – Даже не знаю, что это значит.

– Это значит, что фамилия ваша не Гитлер, – говорит командирша. – Назовите мисс Смит свою настоящую фамилию.

– Смит, – говорю. – Ада и Джейми Смит.

Командирша только языком от раздражения цокнула.

– Да что ты, – говорит. – Ладно, не важно. – И к мисс Смит: – У учителей они должны быть в списках. Я наведу справки. Что ж, на этом я вас оставлю. Ну и день сегодня выдался, должна вам сказать. – Она встала. Я, наоборот, твёрдо уселась на ближайший стул. Джейми скользнул на другой.

– До свидания, – говорю я командирше.

– Мне очень понравился ваш автомобиль, – говорит Джейми.

– Да вы что в самом деле! – заартачилась мисс Смит. Поднялась со своего места и проследовала за командиршей на крыльцо. Там они долгое время о чём-то спорили, но я и так знала, кто победит. Второго поражения за день командирша бы точно не потерпела.

Ну и конечно, вскоре автомобиль зарычал и уехал. В комнату вступила мисс Смит, злющая до белого каления.

– Я не имею ни малейшего понятия о том, как следует заботиться о детях, – сказала она.

Я пожала плечами. Никакой заботы мне никогда и не требовалось, но об этом я решила не говорить.

Глава 7

У меня в волосах мисс Смит обнаружила вошь, которой, к слову сказать, до поездки в переполненном вагоне там не было, впрочем, для мисс Смит это не сыграло роли. Пронзительным тоном она потребовала, чтобы мы немедленно отправились мыться, сию же минуту. Потом устала на мою ногу и добавила:

– Ты наверх сможешь подняться? Что с тобой вообще стряслось?

– Пивной тележкой отдавило, – сказала я.

Мисс Смит передёрнуло. По лестнице я поднялась ползком, по ступеньке за раз. Мисс Смит провела нас в белую комнату с большой ванной, налила в неё горячей воды прямо из краника – это мне особенно понравилось – и предоставила нам минутку приватности, что бы это ни было. Рядом с ванной лежало мыло и толстые полотенца. Я нашла какую-то тряпочку и потёрла об неё мыло, а потом потёрла этой тряпочкой своё лицо и шею. Тряпочка почернела. Тогда я потёрла мылом голову Джейми, потом свою и опять повернула кран, чтобы смыть это всё. Принимать ванну оказалось необычайно приятным занятием. В конце концов грязная вода сама убежала в дырочку на дне, и вычерпывать её, как дома, не пришлось. Вымытый Джейми укутался в белое полотенце и сидел улыбался из него, а я обернула своё во-

круг тела и распустила волосы по плечам.

– Ну и местечко, шик, – сказал Джейми.

Я кивнула. Место было очень приличное. Даже неважно, стерва мисс Смит или нет. С мамой мы же как-то уживались.

В дверь постучала мисс Смит и спросила, где наши вещи. Что она имеет в виду, я не поняла. Еду, взятую из дома, мы давно прикончили, а пустой бумажный кулёк из-под неё остался в вагоне.

– Я имею в виду, остальная ваша одежда, – сказала мисс Смит. – Вы же не можете сейчас опять надеть то, в чём приехали.

У остальных детей в поезде были какие-то свёртки. У нас не было. Я сказала:

– Придётся. Другого у нас нет.

Она приоткрыла дверь и смерила меня взглядом. Я попыталась спрятать правую ногу за левую, но не успела.

– Так, значит, пивная тележка – это дудки, – сердито заметила мисс Смит и открыла дверь до конца. – Косолапость у тебя. Смотри, уже весь пол в крови. – И она взмахнула рукой.

Я вильнула в сторону.

Она так и застыла с рукой.

– Я не собиралась тебя бить, – сказала мисс Смит. – Я хотела тебе помочь.

А, ну да. Из благодарности за то, что я измазала своей кровякой её пол.

Она присела на корточки и схватила мою больную ступню. Я попыталась отнять её, но мисс Смит держала крепко.

– Хм, интересно, – произнесла она. – Король Ричард Третий тоже был косолап... Никогда вживую не видела.

Я заставила себя подумать о лошадях. О той лошадке, что жила рядом с домом, и о том коне, что бежал наперегонки с поездом. О том, как я скачу верхом на жёлтом пони. Я ушла целиком в свои мысли, окружила себя этими лошадьми, и никакие прикосновения мисс Смит больше мне были не страшны.

– Так, – сказала она. – Завтра ходим к доктору, узнаем, что можно сделать.

– Не станет он с ней цацкаться, – сказал Джейми. – Хорошие люди терпеть не могут такое уродство.

Мисс Смит резко усмехнулась.

– Значит, со мной вам повезло, – сказала она. – Потому что я-то как раз совсем не такая хорошая.

Потом нехорошая мисс Смит сама вытерла пол. Нехорошая мисс Смит также завернула мою ногу белой сетчатой тряпочкой и выдала нам по чистой рубашке из своих запасов. Рубашки нам оказались ниже колен. Потом она вычесала и выстригла у меня из волос колтуны – это заняло целую вечность – и нажарила нам целую сковороду омлета.

– Пока другой еды у меня нет, – сказала она. – Я на этой неделе не закупалась. Я же не знала, что вы приедете.

Другой еды нет, ага. А к омлету ещё выдала хлеб, пусть и немного зачерствелый, притом с маслом, и чай, притом с сахаром. Омлет вышел жиденький, но я была такая голодная, что съела всё до единой крохи, и на вкус еда оказалась ничего. Я вытерла хлебом тарелку, и она положила мне ещё ложку омлета.

– Ну и что мне с вами делать? – протянула она.

Станный вопрос.

– Ничего, – сказала я.

– Ада может дома сидеть, – предложил Джейми.

– Я за ним пригляжу, – сказала я. – Вам самой не придётся.

Мисс Смит нахмурилась:

– А тебе самой-то сколько?

Тут я смутилась.

– Джейми вот шесть, – сказала я. – Так мама говорит. Ему в школу пора.

– Что-то маловат он для шести, – заметила мисс Смит.

– Так мама говорит, – сказала я.

– Но ты-то, конечно, постарше будешь? – продолжила расспросы мисс Смит. – Ты разве сама в школу не ходишь?

– С такой ногой уродской какая школа? – встрял Джейми.

Мисс Смит только фыркнула:

– Нога, положим, и больная, зато голова здоровая. – Она звякнула ножиком по тарелке. – Так. Даты рождения ваши. Имена. Фамилия. Нормальная фамилия, а не вот эти выдумки про Смитов.

– Ада и Джейми, – сказала я. – Смиты. А больше ничего мы не знаем.

Она гневно уставилась на меня. Я упорно уставилась на неё. Немного погодя её взгляд смягчился:

– Ты что, и вправду ничего больше не знаешь?

Я опустила глаза в тарелку.

– Я как-то спрашивала, – буркнула я. – Мама сказала, какая мне разница.

Мисс Смит втянула ртом воздух.

– Та-ак, ладно, – сказала она. – Пусть Джейми шесть. Тебе больше. Скажем, лет девять?

По её голосу невозможно было определить, сильно ли она злится. Я пожала плечами. Девять так девять. Числа я в принципе знала: восемь, девять, десять.

– Я напишу вашим родителям, – продолжила мисс Смит. – Леди Тортон даст мне адрес, и я напишу. А уж они мне всё расскажут. – Она окинула нас строгим взглядом. – Папа ваш что делает?

– Ничего он не делает, – сказала я. – Умер он.

И видимо, давно; а может, сбежал. Этого я тоже не знала. Если сильно-сильно зажмуриться и как следует сосредоточиться, то в памяти как будто возникал какой-то его образ, но очень размытый. Высокий. Тихий в отличие от мамы.

– А, – сказала мисс Смит. – Тогда маме вашей напишу.

Нехорошая мисс Смит приготовила нам мягкую чистую постель, накрыла её тонкими гладкими одеялами и сверху

положила толстое, потеплее. Она сдвинула занавески на окнах, чтобы стало темно. Усталость я чувствовала невероятную.

– Мисс, а чья это лошадка? – спросила я. Я просто обязана была это узнать, прежде чем провалиться в сон.

Мисс Смит ответила не сразу. Постояла немного, держась за занавеску. Выглянула из окна.

– Это пони, Коржик, – сказала она наконец. – Мне его Бекки подарила.

– Какая Бекки? – спросил Джейми, но она не ответила.

Глава 8

На следующий день мы проснулись, уже когда давным-давно рассвело. Мисс Смит тоже спала допоздна. Я слышала, как она храпит в комнате напротив, через коридор.

Я отвела Джейми вниз и покормила хлебом. Перемещалась я повсюду снова на четвереньках, как дома. Хотелось, конечно, ходить, но ползком ведь куда удобнее.

В главной комнате оказался выход во двор. Двор был маленькое пространство, огороженное каменной стенкой, и ещё большое пространство, тоже огороженное. Пони по имени Коржик стоял посреди большого пространства мордой к дому и внимательно смотрел и слушал.

Я улыбнулась. Казалось, будто он стоит и ждёт меня.

Джейми ухватил меня за руку и сказал:

– Тебе нельзя наружу.

Но я стряхнула его ладошку.

– С этим кончено, – сказала я ему. – Здесь мне можно ходить, куда вздумается.

– Откуда ты знаешь? – засомневался Джейми.

Потому что это награда, подумала я. За смелость. За долгий путь сюда, за побег. Теперь я всегда буду только ходить. И я заставила себя подняться на ноги. До лошади я должна была дойти.

Я заковыляла, спотыкаясь на каждом шагу. Болело жутко.

Пони, не отрываясь, следил за мной. Добравшись до каменной оградки, я села на неё и перекинула ноги на ту сторону. Коржик шагнул ко мне, наклонил голову, понюхал мои руки и ткнулся в меня мордой. Я обвила его шею руками. Стало понятно, почему его так зовут. На тёплом солнце от него сливочно пахло свежей сдобой.

Мне захотелось на нём прокатиться, но я не знала, как это. До спины высоко, не достать. К тому же у той девушки за окном поезда были ещё какие-то верёвочки или что-то вроде того, чтобы держаться. Не выпуская Коржика, я встала на ноги и сделала несколько осторожных шагов рядом с ним.

Трава на поле щекотала босые ступни. На траве лежала влага, и влага отдавала холодком, который быстро проник под бинты на больной ноге. Земля оказалась мягкой и ёрзала, когда я на неё ступала. Она была как свежий хлеб, податливая. По краю поля росли деревья, и деревья качали своей зеленью в лучах солнца. Вокруг щебетали птицы. Я знала, что это птицы, у нас на улице они тоже жили, только так много за раз я ещё никогда не слышала.

Ещё там были цветы.

Джейми побежал по полю, громко что-то распевая и колошматя вокруг палкой, которую нашёл тут же. Коржик снова нагнул голову и понюхал мои ладони. Может, подумал, что я ему что-то принесла? Надо было, наверно, принести. А что вообще едят лошади?

Край морды у Коржика был мягкий и тёплый. Я провела

ладонями по его голове до самых ушей, до горстки длинных волос между ними. Почесала ему шею, а он вздохнул и снова ко мне наклонился. А потом отступил на шаг назад и опять защищал траву как ни в чём не бывало.

Я села на землю и стала наблюдать за Коржиком. Он только и ел траву, будто другого занятия в жизни у него не было. Будто он хотел сказать: «Я вообще-то не то чтобы голодный, но, понимаешь, надо же дальше жевать». При этом он помахивал хвостом туда-сюда, а потом делал шаг в сторону и принимался за новую травку.

Я сидела и наблюдала за Коржиком, а потом легла на спину. Я лежала неподвижно, и тёплое солнышко так приятно пригревало, а я всё смотрела на Коржика, а потом заснула, а когда проснулась, надо мной стояла мисс Смит.

– Ты обгорела, – сказала она. – Слишком долго на солнце лежишь.

Я потянулась и села. Тело ломило. Кожа на голых ногах покраснела и болела, но к боли я давно привыкла.

– Ты разве не хочешь есть? – спросила мисс Смит. Звучала она сердито.

Я похлопала глазами. Есть действительно хотелось. Жутко хотелось, аж живот сводило. Но и к этому я тоже давно привыкла. Так что же ответить? Чего она от меня хочет, чтобы я хотела есть или чтобы не хотела?

– Почему ты меня утром не разбудила? – спросила она. Ну вот ещё. Поди, не дура, нарочно будить.

– Пошли. – Она протянула мне руку. – Уже так поздно. А надо тебя ещё доктору показать, потом за продуктами сходить.

– Не надо мне помогать, – сказала я.

– Не дури, – сказала она и потянула меня с земли.

Я попыталась высвободиться, но нога до того болела, что в конце концов я сдалась, и она за ручку отвела меня обратно в дом. Там уже сидел Джейми и наворачивал фасоль из банки с поджаренным хлебом, тостом. Я тоже прошла на кухню и опустилась на стул. Мисс Смит плюхнула на тарелку ещё фасоли и сказала:

– У тебя бинты уже грязные.

Я глубоко вдохнула, но прежде, чем я успела что-то ответить, Джейми выпалил:

– А я говорил ей, что ей наружу нельзя!

– Чушь собачья, – резко оборвала его мисс Смит. – Конечно, ей можно наружу. Надо просто что-то получше придумать. Те туфли, в которых ты вчера приехала...

– Они мамины, – сказала я.

– Да я и сама догадалась, что они не твои, – сказала мисс Смит. – Хотя тебе, наверно, обычные туфли и не подойдут.

Я пожала плечами.

– Ладно, посмотрим, что скажет доктор. Туда я вызвала машину, а там уж что-нибудь придумаем. Только не вздумай привыкать. Нет у меня средств всюду на такси разъезжать.

Я кивнула, потому что куда уж лучше.

Оказалось, что и «машина», и «такси» были то же самое, что «автомобиль». За два дня я ехала на автомобиле второй раз. С ума сойти!

Что такое «доктор», я знала, хотя ни разу его не видела. У этого было много интересных штучек-дрючек вроде круглых стеклянных окошек прямо перед глазами, на носу. Одет он был в длинный белый плащ, примерно как у нас носил мясник.

– Запрыгивайте, – сказал он нам с Джейми и похлопал ладонью по большому деревянному столу. Джейми запрыгнул, а у меня не вышло. – А, – сказал доктор, заметив мою ногу. Он взял меня обеими руками и усадил на стол.

Дома мать меня никогда не касалась, кроме как чтобы ударить. Джейми обнимал меня, но, естественно, никогда не поднимал с пола. Здесь же люди вечно трогали меня руками. Это мне не нравилось. Очень не нравилось.

Доктор потыкал нас, померил, посмотрел. Заставил снять рубашки и по очереди приложил к груди каждого холодную металлическую бляшку, от которой к его ушам шли трубочки. Он также прошерстил руками наши волосы и внимательно рассмотрел те места на теле, где часто чесалось.

– Импетиг, – заявил он. Для меня это ничего не значило, но мисс Смит достала из сумочки маленький блокнотик и записала.

– У обоих истощение, довольно сильное, – добавил док-

тор, – и у девочки, похоже, начинается рахит. Ей нужен солнечный свет. Полноценное питание. Молоко.

– А мне-то что полагается делать? – спросила мисс Смит. – Мне никогда с детьми иметь дела не доводилось.

– Что-что – кормить, купать, следить, чтобы высыпались, – ответил доктор. – Не сложнее, чем со щенками на самом деле, – улыбнулся он. – И уж всяко проще, чем с лошадьми.

– Лошади всегда были по части Бекки, – отрезала мисс Смит, – а собак я никогда не держала.

– А кто такая Бекки? – спросил Джейми, но я шикнула на него.

– А что насчёт её ноги? – спросила мисс Смит. – С ней что будем делать?

Я наскоро подсунула стопу под себя, но мисс Смит пошлёпала пальцами по моему колену.

– Покажи доктору, – сказала она.

Я не хотела ничего показывать. Не хотела, чтобы меня опять трогали. Под бинтами самой ступни не видно, ковылять понемногу я в состоянии, а больше мне ничего и не надо.

Но мисс Смит выдернула стопу из-под меня.

– Хватит валять дурака, – сказала она.

Доктор размотал ногу и покачал головой.

– Ну и ну, – сказал он, бережно держа мою ступню в руках. – Запущенная косолапость. Такого мне ещё не приходи-

лось видеть.

– Я думала, это распространённый дефект, – удивилась мисс Смит.

– В целом да, весьма распространённый. Но его почти всегда исправляют ещё во младенчестве.

Мисс Смит с усилием втянула носом воздух – я не очень поняла, что это выражает.

– Тогда ей почему не... – Она взглянула на меня и оборвала фразу.

Исправляют во младенчестве, подумала я. А моя нога неисправленная. Как будто нога – это мой личный промах. Мама всегда так и говорила, мол, сама виновата, что у тебя такая нога, это тебе наказание. Вечно я гадала, так это или нет. И потом, косолапость. Это я, значит, косолапая.

Доктор принялся мою ногу по-всякому жмакать и ворочать, непрестанно разглядывая. В конце концов это стало просто невыносимо. Тогда я подумала о Коржике, представила, как он тепло и сладко пахнет, почувствовала его дыхание в моей ладони. Теперь я могла больше не запираться в пустом сознании без всяких мыслей – теперь у меня был Коржик, и перенестись к нему не стоило мне ни малейших усилий.

– Ада, – раздался громкий голос мисс Смит. – Ада, проснись. Доктор Грэм тебе вопрос задал. – Она стояла надо мной и шлёпала меня по щеке. Доктор держал мою ногу, полностью перебинтованную. Всё осталось позади.

– Нога сильно болит? – повторил свой вопрос доктор.

Что считается сильно, а что – не сильно? Что сказать? Я пожала плечами.

– Ты поняла, что сказал доктор насчёт хирурга? – спросила мисс Смит.

Я уставилась на неё. Она на меня.

– Так да или нет? – повторила она.

Я покачала головой.

Мисс Смит и доктор Грэм обменялись взглядами. Я испугалась, что, наверно, неправильно ответила.

– Доктор Грэм считает, что твою ногу, вероятно, можно прооперировать.

Я понятия не имела, кто такой хирург. Равно как и что такое «оперировать». Но задавать лишние вопросы меня давно отучили.

– Ладно, – сказала я.

Мисс Смит улыбнулась:

– Я понимаю, страшно, наверно, звучит, но зато потом будет просто замечательно. Я сегодня же напишу твоей маме, спрошу её разрешения. Уверена, она не откажет. А пока ходишь на костылях, доктор Грэм тебе сейчас выдаст.

Костыли оказались длинными деревяшками, которые положено подсовывать под руки, чтобы при ходьбе опираться на них и только на одну ногу, нормальную. А вторая, калечная, если такая имеется, просто висит в воздухе, и всё.

На костылях было совсем не больно.

– О, видали? – сказал доктор мисс Смит. – Так и знал, что она и улыбаться умеет.

– Даже не верится, – покачала головой мисс Смит.

Доктор находился в самом центре этого городишка, рядом со станцией. С костылями такси было не нужно, и мы пошли пешком по главной улице. То есть я прямо так вот и шла среди бела дня с забинтованной уродливой ногой, и никто мне ничего не говорил. Мы прошлись по магазинам, купили мяса, овощей, продуктов. Я свободно заходила внутрь, и никто меня не выгонял. Пока были во фруктовой лавке, мисс Смит сказала мне: «Ада, будь добра, передай-ка мне пару-тройку яблок, вон тех». До этого момента я старалась ни до чего не дотрагиваться, но теперь, когда она сама попросила меня, я подумала, может, это ничего. И взяла эти яблоки. И действительно ничего. Зеленщик на меня даже не посмотрел.

В магазинах было столько всего, что на меня аж нервяк напал. Слишком много нового. К тому же никогда при мне столько еды за раз не покупали, сколько мисс Смит. А ведь она ещё и платила, вот так сразу брала и выкладывала деньги, сколько нужно, вплоть до цента. Ни крошки в долг. Я дёрнула Джейми за локоть, и он кивнул. Богачка.

Когда мы вышли на улицу, мисс Смит подсчитала, сколько у неё осталось, и вздохнула. Потом повела нас в новый магазин, из кирпича, довольно строгий на вид. Внутри оказались только люди, они просто стояли за стойкой, и, что продаётся

в этом магазине, было не понять.

– А это что? – спросил Джейми.

– Это банк, – сказала мисс Смит. – Обычный банк, у вас тоже такие бывают.

Уж не знаю, с чего она решила, что у нас они бывают. Я лично никогда даже названия такого не слышала. Мисс Смит что-то черкнула на клочке бумаги, подала его работнику за стойкой, а тот отсчитал деньги и... выдал их ей.

– Магазин денег, – прошептал Джейми, не веря своим глазам.

Я кивнула. Таких дома точно не было.

На нас с Джейми снова была та одежда, в которой мы приехали, – не могли же мы в город в рубашках мисс Смит отправиться; только все наши вещи мисс Смит постирала, так что выглядели мы и пахли нормально. Тем не менее после банка она отправилась с нами в магазин с одеждой и купила нам всё новое, и верх и низ, и ещё какое-то, как она сказала, бельё, по три комплекта на каждого, которое велела нам отныне носить под одеждой, и ещё вдобавок чулки и обувь нам обоим.

– Но у меня же есть обувь, – сказал Джейми, глядя на крепкие ботинки, которые выбрала ему мисс Смит. – А Аде она вообще не нужна.

Но мисс Смит и слушать его не стала. Продавец, довольно неприятный тип с кустистыми бровями, заметил:

– С этими эвакуированными, мисс, сплошная морока, да?

У меня жена уже по горло сыта, готова хоть сегодня их обратно отправить. Эти сопляки, стыдно сказать, в постель мочатся.

Мисс Смит так на него посмотрела, что он в момент закнулся, разве что прощения успел попросить. Выходила я из магазина в чудесном кожаном ботинке на левой ноге. То есть самом настоящем ботинке. Специально для меня. Купить, конечно, пришлось всю пару целиком. Продать только один тот тип отказался. Второй мисс Смит забрала в сумку.

– Мы его прибережём, – сказала она. – Кто знает, может, когда-нибудь...

Что она хотела дальше сказать, я не поняла, но спрашивать не стала. Я уже порядком утомилась, даже на костылях, и больше ни о чём не могла думать, как только о том, чтобы оказаться дома. Зато Джейми так и плясал передо мной, выкрикивая:

– Может, тебе исправят ногу! Представляешь, может, возьмут и исправят!

Я улыбнулась ему в ответ. Какой же он всё-таки простачок, диву даёшься.

Глава 9

Вдобавок ко всему прочему, мисс Смит ещё купила новые батарейки в радиоприёмник. Кой у кого на нашей улице они были, радиоприёмники, так что в целом с таким явлением я была знакома, но, как всегда, только отдалённо. Приёмник мисс Смит стоял на лакированном деревянном комод в главной комнате. Вечером, как только мы вернулись, – это была суббота, – она заменила батарейки и включила приёмник. Из него раздались голоса, слышался разговор.

Мисс Смит вздохнула.

– Хотелось музыку послушать, – сказала она, протянула руку и выключила его. – А теперь, наверно, придётся вечно слушать про эту войну. – Она зевнула и снова застыла в своём кресле.

Я подумала о еде, которую мы накупили. О яблоках. Мясе. Я встала.

– Мисс, хотите, я чай поставлю? – предложила я, вроде как не настаиваю. – Могу хлеба вам сделать со смальцем.

Она хмуро взглянула на меня:

– Конечно, нет.

Я разочарованно опустилась на своё место. Опять очень хотелось есть. А мы за день уже два раза ели, если считать хлеб, который умяли с утра перед выездом.

– Скоро пора ужинать, – сказала мисс Смит. Она улыбну-

лась мне, но, как и у мамы, видно было, что улыбается она не от хороших мыслей. – Ужин я сама приготовлю. Это моя забота за вами следить.

А, ну да.

Однако она таки встала и пошла приготовила ужин. Огромный. С мясом. Картошкой. Маленькими зелёными шариками – горох, или как-то так, из жестяной банки. Ещё там были помидоры вроде того, который Джейми спёр, только она их на толстые куски порезала. Ещё хлеб, со сливочным маслом. И всё такое разное, столько цветов, столько форм, столько запахов. Горошинки, например, так и перекашиваются во рту, а когда раскусишь, сочно лопаются.

Ужин был настоящее чудо – подумать только, такая куча съестного сразу. А Джейми до того вымотался, что теперь сидел букой и отказывался брать в рот любую еду, кроме ветчины. Мне захотелось его ударить. У него под носом еда, мясо, всё горячее. Может, мисс Смит и не очень-то нас хочет, но кормит отменно. Это я уж не говорю про свой личный ботинок. А ведь он значит, что она готова отпускать меня наружу.

– Да оставь его, – устало сказала мне мисс Смит, когда я начала отчитывать Джейми. А ему добавила: – Пока не откусишь хотя бы по одному кусочку от всего, что лежит у тебя на тарелке, никакой добавки не получишь.

На столе под вилками лежали сложенные тряпочки. Прежде чем приняться за еду, мисс Смит положила свою се-

бе на колени, и мы сделали то же. Теперь Джейми взял эту тряпочку, накинул её себе на голову и сквозь неё пробубнил:

– Хочу ветчину.

– Получишь ещё, когда попробуешь по кусочку от остального, – повторила мисс Смит. – Потом можешь говорить, что не нравится, но только если ты это пробовал. И убери с головы эту салфетку.

Джейми запустил тарелкой об стену. Тарелка разбилась вдребезги. Мисс Смит взвизгнула.

Я схватила Джейми. Подняла с пола кусок помидора и сунула ему промеж зубов. Он сплюнул его мне в лицо.

– А ну жри! – завопила я. Сгрэбла горох с тарелки и зачихнула ему в глотку. Он закашлялся и засипел. Мисс Смит попыталась разнять мою хватку.

– Ада! – крикнула она. – Ада, прекрати! Ему же больно!

Больно, видите ли. Ему. Ему, который сам же не слушается.

– Так, Джейми, ужин окончен, – отрезала мисс Смит и схватила его за руку, которой он отчаянно молотил в воздухе. – Мыться и спать! – Она потянула его с пола, и, хотя он всюду орал и пинался, потащила его наверх.

Убью его, решила я. Прирежу просто, раз он так себя ведёт.

Я потянулась за костылями и встала на ноги. Собрала осколки тарелки и остатки разбросанной еды. Вытерла воду, которая пролилась, когда я случайно опрокинула свой ста-

кан. Сверху доносились вопли Джейми. Мисс Смит его либо купала, либо пытала, и я была согласна на оба варианта.

Покончив с уборкой, я поднялась наверх по ступенькам. На костылях это плёвое дело. Крики к тому времени стихли.

– Я набрала тебе новую ванну, – раздался голос мисс Смит. – Ты как, доела?

Я кивнула. Есть ещё очень хотелось, но в животе до того скрутило – какая там еда, кусок в горло не пролезет.

В ванной меня ждали горячая вода, мыло и полотенце. От одного вида станешь свежее, но вода так заманчиво плескалась, и я полезла мыться. Потом надела обновку, называется пижама – такая специальная одежда, чтобы в ней спать. И верх тебе, и низ голубенькие. Ткань оказалась такой мягкой, что мне тут же захотелось прижаться к ней щекой. Весь этот дом был мягким. Мягким, добрым и немного пугающим. У мамы я хотя бы знала, что я такое.

Когда я зашла в комнату для сна, Джейми лежал на кровати, свернувшись калачиком, и посапывал, а мисс Смит дремала в кресле рядом с кроватью. Нехорошая мисс Смит, напомнила я себе и легла спать.

Посреди ночи я резко проснулась – так у меня бывало, когда мама приводила домой гостей. Села рывком на кровати, схватилась за одеяла. Дыхание резкое, как бы клоками.

– Всё хорошо, – слышу голос мисс Смит. – С тобой всё нормально, Ада.

Поворачиваю голову. Мисс Смит до сих пор сидит в кресле со стороны Джейми. В окно льётся лунный свет, но лицо мисс Смит в тени.

Сердце у меня колотится. В голове свистопляска.

– Всё в порядке, Ада, – повторяет мисс Смит. – Тебе, наверно, кошмар приснился?

Кошмар? Я сама не знаю. Джейми лежит тут же, под боком – ротик полуоткрыт, дыхание ровное, мягкое.

– Нас бомбили? – спрашиваю.

Мисс Смит головой покачала.

– Да нет вроде бы. Я ничего не слышала, хотя тоже вот проснулась. – И подносит к лучу лунного света запястье. – О, давно за три. Надо же, случайно задремала. Вот уже и ночь почти всю проспала.

И по голосу её слышно, что улыбается.

– Давно не могу нормально уснуть. Со смерти Бекки не сплю как следует.

– А когда Бекки умерла? – спрашиваю.

Мисс Смит прочистила горло:

– Три года назад. Во вторник будет три года.

Она не спала три года?

– Отчасти поэтому я и не хотела вас брать, – говорит. – Конкретно с вами это никак не связано. Просто осенью мне всегда значительно хуже. Ещё дни такие короткие, и потом... да, собственно, зимой мне тоже не очень-то здорово. И никогда не было, даже в твоём возрасте. Ненавижу, когда тем-

но и холодно.

Я кивнула. Тоже ненавижу темноту и холод. Зимой вечно ходишь с ознобышами на руках и ногах, они жутко чешутся, свербят.

– Бекки – это ваша дочка была? – спрашиваю.

– Моя дочка? – И как захохочет, отрывисто так. – О нет. Подруга. Лучшая подруга. Мы в университете вместе учились. Это её дом был, она мне его оставила.

– И Коржика тоже, – подсказываю.

– Она подарила мне Коржика задолго до своей смерти. Хотела, чтобы я тоже полюбила лошадей, как она. Не работало.

– А от чего она умерла?

– От пневмонии. Это такая болезнь лёгких.

Ну, я кивнула. Паника моя, пока мы разговаривали, понемногу улеглась. Я выпустила одеяло из мёртвой хватки, легла головой на подушку.

– Вы можете, наверно, здесь поспать, – говорю мисс Смит. Джейми спит посередине кровати, так что с той стороны – ещё место.

Она покачала головой.

– Да нет, я... А впрочем, ладно. Один разок. – Смотрю, она скользнула в кровать рядом с Джейми, одеяло на себя потянула. Я тоже потянула за свой конец, и меня снова окутала нежданная мягкость и тепло.

Когда я открыла глаза, комнату уже заливал яркий свет, а в открытые окна доносились церковные колокола, и я услышала над собой голос мисс Смит:

– Ну Джейми, ты же в кровать напрудил.

Дома он никогда не писался. Мне сразу вспомнился тот хам в обувном, который жаловался, что приезжие дети в кровать писаются, и я так злостно устала на Джейми, что он разрыдался.

– Ладно-ладно, не важно, – протянула мисс Смит, хотя и несколько раздражённо. – Отстирается. В понедельник купим клеёнку, на случай если такое опять случится.

Вечно ей приходилось что-то из-за нас покупать. Чтобы как-то успокоить саму себя, я сказала:

– Вы, надо думать, богатая. – А какая ещё, с таким-то шикарным домом и кучей еды, не говоря уж о банке, где ей просто так деньги дают?

– Отнюдь нет, – ответила она. – Я живу на то, что выручила от продажи Беккиных гунтеров. – Она потянулась и встала. – Да сколько можно трезвонить! Что, уже так поздно? Наверно, надо было вас в церковь отвести, как нормальному опекуну полагается. – Она пожала плечами. – А теперь всё, поздно.

Мы спустились, и она пошла ставить чай, а Джейми сказала включить радиоприёмник. Из радио донёсся низкий глубокий голос, такой серьёзный, размеренный. Мы с Джейми почему-то сразу сели и стали слушать. Мисс Смит тоже по-

дошла из кухни и устроилась на подлокотнике кресла.

Голос сказал:

– Сегодня премьер-министр официально объявил, что Великобритания вступает в войну с Германией.

Церковный звон прекратился.

Джейми спросил:

– Теперь нас будут бомбить?

А мисс Смит кивнула и сказала:

– Теперь да.

Глава 10

Вплоть до того момента я успела напрочь забыть о бомбёжках. Бомбить вообще-то должны были Лондон, а не этот захолустный городок, где жила мисс Смит, но всё равно я просто забыла. Хотя про такие вещи, как бомбёжки, обычно не очень-то забудешь.

Внутри опять скрутило, как вчера после ужина.

– А что значит «вступила в войну»? А до этого что, войны не было? Мы же почему-то здесь.

– Правительство заранее организовало эвакуацию, – объяснила мисс Смит. – Там понимали, что война будет, просто не знали когда.

– Если они видели, что наступает война, почему не остановили? – спросила я.

– Потому что Гитлера мирным путём не остановить, – покачала головой мисс Смит. – Но ты не волнуйся, Ада. Вам ничто не угрожает, и маме вашей тоже, и скоро вы преспокойно поедете домой.

По тому, как она это сказала, по её фальшивой улыбке я поняла, что она врёт. Только зачем ей врать, я не поняла.

– Надеюсь, нет, – ляпнула я, не подумав. Хотелось ещё добавить: «Лучше уж здесь остаться», но я вовремя прикусила язык.

Мисс Смит удивлённо на меня посмотрела и хотела что-

то сказать, как вдруг Джейми зарыдал ни с того ни с сего.

– Хочу домой! – затаил он. – Не хочу войну. Не хочу бомбёжки. Я боюсь. Я хочу домой.

От одной мысли о том, чтобы отправиться обратно домой, у меня перехватило дыхание. Там было страшнее, чем под бомбами. И о чём Джейми только думает?

Мисс Смит вздохнула. Вынула платок, вытерла ему слёзки и сопли, высморкала нос.

– Чего мы хотим, нас никто не спрашивает, – заметила она. – Ладно. Пойдёмте-ка лучше завтракать.

После завтрака мисс Смит села возле радио и сидела грустная, отстранённая.

– Мисс? – обратилась я к ней. – А бомбёжки уже начались?

Она покачала головой.

– Нет ещё. В Лондоне дали гудок сигнальной сирены, но пока только учебный.

Я забралась на подлокотник её кресла. Радио продолжало бубнить.

– Мисс? – снова обратилась я. – А что такое «гунтеры»?

Она подняла на меня лицо, точно очнувшись ото сна:

– Что?

Я повторила вопрос.

– Вы сказали, что живёте на деньги, вырученные с продажи гунтеров Бекки, – напомнила я. Про продажу я знала. У

нас на улице был ломбард, и, когда на доках дела катились под гору, соседки сносили туда барахло.

– Гунтеры – это охотничьи лошади. Порода такая, дорогая, – ответила мисс Смит. – У Бекки их было двое.

– Мы можем меньше есть, – сказала я. – Мы с Джейми. Нам не привыкать.

Мисс Смит взглянула на меня повнимательней.

– Ещё чего, – сказала она. В её голосе мелькнула такая резкая нотка, от которой у меня моментально вспотели ладони. – Это не твоя забота. Я со всем управлюсь, ну или леди Тортон поможет. Во всяком случае, вас никто не бросит.

– Просто...

– Не твоя забота, – повторила она. – Смотри, какой чудесный день. Не хочешь немного погулять?

Джейми уже резвился где-то там. Я кивнула, взяла костыли и пошла. На дальнем конце поляны за домом пасся Коржик.

– Коржик! – позвала я, перемахивая через каменную оградку. Он поднял голову, но ко мне не пошёл.

Я легла на траву. Замечательная вещь поле! Трава, земля, цветы. Мелкие жучки кругом летают. Я перевернулась на живот и примяла рукой траву, понюхала стебли, вытащила парочку из земли. Вытянулась рассмотреть поближе беленький цветочек.

Внезапно на шею легло чье-то тёплое дыхание. Я с хохотом перевернулась обратно на спину, думала – Джейми, но

это был Коржик. Он обнюхал мою голову, потом отступил и снова принялся за траву. Я лежала и смотрела на его ноги, на то, как он ими двигает и как своим длинным жёлтым хвостом отмахивает мух.

Солнце было высоко, а потом стало низко, и в воздухе похолодело. «Ужин!» – донёсся из дома голос мисс Смит. Когда мы пришли, она оглядела меня и спросила:

– Где это ты так изгваздалась?

Я не поняла вопроса.

– Ладно, не важно, – махнула она рукой. – Только не надо на меня так затравленно смотреть. Отмоешься.

– Как, опять мыться?! – поразился Джейми.

– Сядь и поешь спокойно, – сказала ему мисс Смит. – Да, опять. И пока вы здесь, можете смело рассчитывать на мытьё ежедневно.

– Ежедневно?! – выпалила и я. Несмотря на мои катания по земле, я всё равно ощущала себя чище, чем когда бы то ни было.

– Пойми, я не против того, чтобы вы пачкались в течение дня, – ответила мисс Смит, – но грязь на простынях не потерплю.

Мы с Джейми переглянулись. Как же всё-таки ещё много такого, чему мы не знаем нормального названия. И потом, совсем уж не иметь ничего против того, чтобы мы пачкались, она просто не может, это же ясно. Напоследок я спросила:

– Мисс? А простыни – это что?

Простыни оказались те тоненькие одеяльца на кровати. На ужин нас кормили новой едой, называется суп, которую давали в мисках. Но пить этот суп нужно было почему-то не из миски, а из дополнительной штуки, ложки, – зачем такая тягомотина, непонятно. Но когда сидишь голодный, а тебе дают суп, и он такой солёненький и в нём кусочки мяса плавают, поневоле сделаешь как просят.

А вот Джейми есть отказался наотрез.

– Если хочешь отправиться спать на пустой желудок – пожалуйста, – заявила ему мисс Смит. – Но, кроме супа, я сегодня ничего не готовила, и другой еды не будет.

Ну, тут уж она приврала – это мы знали. В шкафу на кухне лежала самая разная снедь. А на пустой желудок Джейми и раньше ложился. Небось не привыкать.

Ночью он плакал в подушку, а к утру опять обмочился в кровать.

– Я хочу домой, – хныкал он. – Хочу гулять с Билли Уайтом. Хочу, чтобы было как раньше. Хочу домой.

Но я не хотела. Ни за что. Один раз уже сбежала оттуда и сбегу снова, если потребуется.

Глава 11

За следующую неделю запомнилось только три момента. Во-первых, большую часть дня мисс Смит либо спала, либо сидела, уставившись в пространство. В понедельник приготовила нам еду, но на этом дело кончилось. Во вторник даже с постели не встала. В предыдущие дни я немного наблюдала за её готовкой, так что с плитой разобралась, и голодными мы во вторник не остались. Ближе к вечеру я сделала мисс Смит чай. Джейми помог мне отнести его наверх, и мы вошли с подносом к ней в комнату.

Она лежала на боку. Не спала, но взгляд пустой, в никуда. Глаза красные, опухшие. Увидела нас – удивилась.

– Я вас совсем забросила, – говорит, но с места не двигается. – Я уже призналась леди Тортон, что в няньки не го- жусь. Так и сказала.

Я поставила поднос на тумбочку у кровати и говорю:

– Вот, мисс.

Она села.

– Вы не должны обо мне заботиться, – говорит. – Должно быть наоборот. – Взяла чай, отхлебнула – и в слёзы. – Ты мне сахар положила, – говорит.

Она так всё время пила. Один кусок сахара, без молока. Это я подметила.

– Ну да, мисс, – говорю, а сама на всякий случай голову

пригибаю, а то сейчас как замахнётся. – Совсем чуть-чуть. Там ещё много осталось. Я себе нисколечко не брала. – Хотя Джейми я всё ж таки насыпала.

– Да не собираюсь я тебя бить, – говорит. – Мне бы хотелось, чтобы ты это усвоила. Может, я вас забросила – это да, но бить я вас не собираюсь, и мне не важно, что вы съедите. Очень заботливо с твоей стороны, что ты положила мне сахар в чай. Заботливо уже то, что ты вообще принесла мне чай.

– Да, мисс, – говорю. Заботливо – значит, с заботой или много забот? Хорошо или плохо?

Она вздохнула и говорит:

– От мамы вашей по-прежнему не слышно. Хотя фамилия у вас и вправду Смит. Пока леди Тортон сама мне не подтвердила, я думала, это выдумки.

– Да, мисс.

– После того опуса с Гитлером.

Я повернулась уходить. Утро выдалось насыщенное, давно хотелось есть. От чая я и сама бы не отказалась.

– Фамилия Смит, конечно, распространённая, – говорит она мне вдогонку. – Но я всё равно думала, что вы сочиняете.

Даже после чая она осталась в постели. Я позволила Джейми покопаться в шкафчике на кухне и съесть всё, что его душе угодно, а следом и сама покопалась – пусть потом и влетит, ох как влетит! Джейми разрешила не купаться, зато са-

ма посидела в ванне подольше, и горячей воды набрала побольше, так что ноги аж всплыли. Простыни я с кровати стянула, так что мокрое пятно нам не мешало, и поспали мы нормально.

Утром в среду мисс Смит показалась из своей комнаты. Выходит, голова опять в пушистом жёлтом облачке.

– Сегодня постараюсь получше держаться, – говорит. – Вчера просто... из-за Бекки опять. Но сегодня буду держаться.

Я плечами пожала, говорю:

– Да я и сама могу о Джейми позаботиться.

– Вероятно, – говорит. – Но кто-то же должен позаботиться о тебе.

Это была первая вещь. Вторая состояла в том, что Королевские военно-воздушные силы соорудили аэродром прямо напротив пастбища Коржика. За три дня всё было готово: посадочная полоса, бараки, всё. Джейми точно заморожённый так туда и шастал, пока какой-то офицер не привёл его к мисс Смит за шкурку. «Попридержите-ка его дома, мэм, – сказал он ей. – На аэродром гражданским нельзя».

Третья вещь была, что Билли Уайт вернулся в Лондон.

Джейми всё изводился от тоски по друзьям, по Билли и остальным, но я понятия не имела, как их найти, а ходить по округе разыскивать не собиралась. К костылям я быстро привыкла, ходить вообще-то стало просто, но мне нрави-

лось, что Джейми постоянно при мне. Мы проводили дни на воздухе. Во дворе дома был такой специальный барак, называется стойло, и там раньше жили кони Бекки. Иногда мы играли там, но чаще всего резвились на загоне Коржика, там мне особенно нравилось.

В четверг мы наконец доели запасы еды и отправились втроём в город. Первое, что мы увидели, был Билли Уайт со своей мамой и сёстрами – они стояли на станции и ждали поезда. Джейми как завопит:

– Билли!

Подбежал к ним, улыбается:

– А вы где живёте? Мы тут недалеко, вон туда если...

А Билли говорит:

– За нами мама приехала. Мы домой едем.

Джейми так и опешил.

– А как же Гитлер? – говорит. – Как же бомбы?

– Не было пока никаких бомб, – говорит мама Уайтов.

Сама стоит, младшую дочку за плечи обнимает. Я девочке улыбнулась, а мама её тут же к себе прижимает, как будто моя косолапость сейчас на её дочку перекинется. – И потом, как мне одной-то, без своих деток, – говорит. – Не ладно это. Лучше уж вместе войну-то переждем. – На меня взглянула искоса и говорит: – Так это ты, значит, Ада? Мамка твоя сказывала, что ты, мол, сбежала, ну да я не поверила. Только что в окне тебя нетути больше, это заметила. – Оглядела меня с головы до ног, причём на ногах задержалась, стоит

и пялится на повязку мою аккуратную. Ещё бы, мисс Смит мне бинты каждый день стирала и ногу начисто перебинтовывала.

– Я не отстала, – говорю. – У меня нога только больная, и всё.

– Это уж я не знаю, – говорит миссис Уайт и дочку к себе поплотней прижимает. – Мамка твоя...

Тут подходит мисс Смит.

– Я ей написала, – говорит. – Но, может быть, вы тоже могли бы ей весточку передать. Доктор сказал, что...

А Билли встрял и говорит:

– Тут просто отврат! Те, что нас взяли, такие жадные, прямо волки!

– Ага, вообще паршиво! – говорит Джейми. К мисс Смит поворачивается и спрашивает: – Можно мне тоже домой? Вы нас можете отвезти?

Мисс Смит головой покачала, улыбнулась, как будто это милая шутка.

– Да я и в Лондоне-то ни разу не была, – говорит. – Даже не знаю, куда там идти.

– Да домой же, – ноет Джейми.

– А Стивен где? – спрашиваю я у мамыши.

Та нахмурилась.

– Не хочет ехать, – отвечает. – Бог весть что о себе думает. – Тут она опять на меня как-то странно посмотрела и говорит: – Непривычно мне, что ты вот так среди людей гуля-

ешь. Думала, тебя в какую богадельню сдали, что ли.

И сказала так, что сразу понятно: не только думала, но и всем сердцем хотела. С таким отвращением со мной разговаривала, я прямо поразилась. Годами рукой ей машу из окна, и она мне всегда в ответ махала. Я думала, она добрая. Думала, она ко мне хорошо относится. А оказывается, ничего подобного. Я даже не нашлась, что сказать. Куда смотреть. Смотреть на эту мамашу у меня точно сил не было.

Подъехал поезд, и она сгрудила своих детей вокруг себя. Джейми давай канючить:

– Возьмите меня с собой!

Мисс Смит его удерживает, говорит ему:

– Ваша мама хочет, чтобы вы оставались здесь. Чтобы вы были в безопасности.

– Не-ет, она по мне скучает, – заныл Джейми. – Ада за мной присмотрит, если что. Мама меня ждёт! Ада, скажи, ждёт? Она хочет, чтоб мы ехали домо-ой!

Я сглотнула. Может, и хочет. В конце концов кто ещё ей чай сделает, если не я. Может, теперь она мне обрадуется, раз я умею ходить, особенно с костылями-то. Может, сама подумает, как же это она сама про костыли раньше не догадалась. Может, поймёт, что я не отсталая. А может, я и есть отсталая. Может, меня взаперти не просто так все эти годы держали...

Тут на меня прямо нахлынуло. «Думай о Коржике, – говорю себе из последних сил. – Вот я на нём верхом, вот он

меня несёт...»

А Джейми всё громче вопит. Пнул мисс Смит, да сильно так, из рук вырывается.

– Билли! – кричит. – Возьмите меня! Я хочу с вами! Я хочу домой!!!

Но мисс Смит его удержала, и поезд уехал.

– Ненавижу вас! – заревел Джейми. Руками машет, ногами топчет. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Хочу домой!

Мисс Смит его за запястье схватила и по улице тащит с каменным лицом. Ему ни слова. Только крикнула мне, не оборачиваясь, мол, за мной.

А Джейми всё ревет и ревет, сопли по подбородку стекают.

– Ненавижу вас! – вопит. – Ненавижу!

Вдруг слышим спокойный голос:

– Какие-то проблемы?

Я смотрю, а это та суровая командирша, которая нас на автомобиле подвозила, и рядом с ней девочка, один в один как она, с таким же суровым лицом. Одна из тех, с ленточками, которые нам на вокзале чай разносили.

И тут, к моему удивлению, мисс Смит закатывает глаза и головой покачивает: мол, да ничего страшного, как будто весь этот скандал её нисколько не побеспокоил.

– Обычная детская истерика, – говорит. – Увидел, как друг домой уезжает.

Командирша повернулась к Джейми и говорит твёрдым

ГОЛОСОМ:

– А ну прекрати орать. Немедленно! И так всю округу на уши поставил.

Джейми тут же прекратил. Огляделся:

– На уши? Где?

– Да это выражение такое. – Поворачивается к мисс Смит и продолжает: – Из них уже чуть не с десятков домой вернулись. Сколько ни твердила родителям, что это опасно – всё впустую. Главное, совершенно ясно, что Лондон будут бомбить. Но эти отсталые бабы думают только о сиюминутном удобстве, а какой опасностью обернётся для детей такое решение – об этом они не думают.

Отсталые бабы. Отсталые, как я. Может, на нашей улице вообще одни отсталые живут.

Суровая командирша оглядела нас с Джейми и говорит мисс Смит:

– А ваши куда лучше теперь выглядят. Вы молодец.

– Да какая я молодец, – отвечает мисс Смит. – Я только и сделала, что передела их в чистое да покормила как следует. – Вообще-то она ещё наш лишай какой-то пахучей мазью извела, но об этом, как я заметила, она при командирше решила не упоминать. Вместо этого она поколебалась и спрашивает: – Возможно, у вас в распоряжении есть какие-нибудь подержанные вещи на зиму или вы знаете, где их достать? Видите ли, мне самой будет сложно их всем обеспечить...

Командирша достаёт из огромной сумки свой планшет: она с ним, наверно, и на ночь не расставалась, и говорит:

– Разумеется, – и записывает. – В городе под моим руководством будет организован сбор вещей и одежды. Мы же не станем от вас требовать, чтобы вы на пособие умудрились их ещё и одеть. Вообще-то им своё иметь полагается... Да что уж там. Разумеется, им должны были хоть что-то дать с собой.

И вот она это говорит, а её дочка на ногу мою забинтованную пялится. Я нагибаюсь поближе и говорю ей шёпотом:

– Это со вчерашнего. Наша лошадь мне на ногу наступила.

А девочка прищурилась и говорит:

– Ну и враньё.

Я говорю:

– У нас вообще-то есть она, лошадь.

А девочка говорит:

– Когда лошадь наступает, совсем не так больно. На меня тыщу раз наступала.

Тут она меня подловила. Я стою, не знаю, что сказать, ну возьми да и покажи ей язык. А она в ответ зубы оскалила и рычит, как тигр. Ужас!

Мисс Смит тем временем спрашивает:

– Какое пособие?

Оказалось, ей за то, что она нас взяла, деньги причитаются. Девятнадцать шиллингов в неделю! Почти целый фунт! Если и не была богатая, так теперь точно станет. Я с облег-

чением выдохнула. Теперь можно не волноваться насчёт ботинка. И насчёт еды, которую мы едим. Наша мама и близко столько не зарабатывает. На девятнадцать шиллингов в неделю мы можем сколько угодно лопать.

– Да как же вы могли этого не знать, – удивилась суровая командирша, – когда я вам совершенно точно разъяснила условия?

– Ой! – Мисс Смит только рукой махнула и со смешком добавила: – Да вы думаете, я слушала?

Джейми перестал биться, только хныкал, и мы пошли дальше. Я говорю:

– Мисс, это же три фунта шестнадцать шиллингов в месяц. Вы могли бы взять ещё детей, стали бы богатая.

Но она нахмурилась:

– Слава богу, до этого ещё не дошло.

Глава 12

Тем временем я постоянно втайне от мисс Смит возилась с Коржиком. Втайне, потому что не знает – не запретит.

В тот вторник, который она провела в постели, я впервые села ему на спину. Я добилась того, чтобы он встал у каменной оградки, сама кое-как, без костылей, взобралась на неё и перекинула калечную ногу через спину Коржика. Взясась за гриву, подтянулась – и вот оно, я верхом! Меня окутал запах, который вздымался от его тела, ноги ощутили тепло его боков и лёгкое покалывание шёрстки.

Коржик пошёл вперёд, покачивая крупом, и мои бёдра тоже покачивались в такт его шагам. Я вцепилась в гриву, чтобы не упасть. Попробовала управлять им, но не вышло, а вскоре он и вовсе опустил морду и принялся жевать траву. Я ничего не имела против. Почти всё утро я так и просидела на нём верхом, пока сама не проголодалась. Тогда слезла и пошла в дом поесть.

На следующий день в ногах появилась дрожь. Мышцы были растянуты как-то по-новому. Против этого я тоже ничего не имела. Ходить куда больнее.

К стойлу был пристроен небольшой сарайчик. Он стоял запертый, но Джейми нашёл ключ под камнем у двери. Внутри оказалось всякое снаряжение, очевидно, как-то связанное с Бекки и её лошадьми. Я попробовала поискать ремешки

вроде тех, что видела на лошади у поезда, и нашла коробку с полосками кожи. Некоторые оказались скреплены; я вытащила их из коробки и решила рассмотреть хорошенько.

Если взять уздечку – а это и есть те ремешки, которые надевают лошади на морду, – за неправильную часть, например за капсюль или нащёчные ремни, вместо суголовного, то понять, что это надевается на лошадь, совершенно невозможно. Выглядеть это будет просто как куча ремней. Так что поначалу ничему из найденного там я не могла найти применения. В какой-то момент на одной из полок мне попалась плотная угловатая штука. Внутри торчали листки бумаги с буквами. Я принялась листать, и хотя надписей разобрать не могла, зато ближе к середине наткнулась на рисунок лошадиной головы с надетыми на неё ремешками. Я внимательно изучила рисунок и найденную связку ремней и в конце концов разобралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.